

А. С. Вдовин, Н. П. Макаров

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ АУЭРБАХ В СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ (1910—1914 гг.)

В статье публикуются новые материалы к биографии известного археолога и организатора науки в Сибири Н.К. Ауэрбаха (1892—1930). Приводятся выдержки из архивных документов и писем о студенческом периоде будущего ученого в годы учебы на юридическом факультете в Московском университете и Московском археологическом институте. Ряд выявленных документов приводятся в приложении.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история археологии, персоналистика, Н.К. Ауэрбах, Московский университет, Московский археологический институт, Сибирь.

Известному археологу и организатору науки в Сибири Н.К. Ауэрбаху 14 марта 2012 г. исполнилось 120 лет со дня рождения. Николай Константинович родился в селе Илеве Нижегородской губернии. В 1910 г. окончил Красноярскую мужскую гимназию, в 1910—1914 гг. учился в Московском университете и Археологическом институте. С 1914 г. по 1918 г. работал во Всероссийском Союзе городов и Всероссийском Земском Союзе [Акимова, 2004]. В 1918—1919 гг. сотрудник газеты «Свободная Сибирь» [Вдовин и др., 2005]. В 1920—1922 гг. работает на севере Енисейской губернии [Вдовин, Гуляева, Макаров, 2004; 2007; Гуляева, Вдовин, 2006]. В 1923—1926 гг. сотрудник и член коллегии Музея Приенисейского края в Красноярске, член распорядительного комитета Красноярского отдела Русского географического общества [Макаров, Вдовин, Щербакова, 1995; Вдовин, Гуляева, 1996]. В 1927—1930 гг. ученый секретарь Общества изучения Сибири в городе Новосибирске [Китова, 1992]. Умер 11 декабря 1930 г. Похоронен в Красноярске на

городском Троицком кладбище, с надписью на памятнике от благодарных потомков «Н.К. Ауэрбах ученый-археолог, краевед, общественный деятель».

Столь короткая, но насыщенная биография ученого тесно связана со становлением Сибирской археологической науки и частично уже нашла отражение в историографических работах. В тоже время студенческий период жизни Н.К. Ауэрбаха остается малоизвестным.

После окончания гимназии, в 1910 г., Николай Константинович выезжает в Москву и поступает на юридический факультет университета. О своих первых впечатлениях он сообщает в письме к отцу: «Третьего дня мы <...> благополучно докатили до Москвы <...> Самая Москва особенно большого впечатления на меня не произвела только на улицах встречаются исключительно интеллигентные лица и здесь нельзя встретить пьяных <...> но девиц легкого поведения больше чем нужно — и шляются очень подозрительные всюду» [КККМ, б/н].¹

О знакомстве с Московским университетом он пишет домой: «Университет конечно громадное здание, вполне благоустроенное, но входя в него я не проникся к нему должным уважением <...> В коридорах около канцелярии массы студентов <...> при чем с первого взгляда бросаются в глаза первокурсники: растерянный вид, новая форма <...> я явился в университет в своем штатском, но чувствовал себя так хорошо, что имел нахальство объяснять первокурсникам на какие лекции им записываться: они слушали разинув рот — я доволен

1. Письмо Н.К. Ауэрбаха отцу Ауэрбаху К.И. от 2.09.1910. Далее при цитировании писем Н.К. Ауэрбаха отсылка на этот архивный фонд опущена.

<...> Здешние барышни <...> дадут 500 очков нашим красноярским...» [8.09.1910].

Все свое время Н.К. Ауэрбах посвящает знакомству с достопримечательностями Москвы: «Осмотрел, но очень поверхностно Оружейную палату <...> с уважением минут 5 созерцал шапку Мономаха, полюбовался на великолепное оружие <...> Завтра думаю — двинуться в соборы <...> нужно успеть еще побывать в Румянцевском и Историческом, Третьяковская галерея мной оставлена на последний день. Часа два намерен посвятить моему любимому храму — Василию Блаженному» [8.09.1910].

В своих письмах к родителям, он делится своими впечатлениями о начавшейся учебе: «Только что вернулись с первой лекции <...> кроме меня никто целиком не записывал <...> Первый лектор говорил плохо... много повторялся и останавливался на пустяках <...> Второй считается одним из самых лучших проф[ессоров] университета. Говорит дельно, красиво <...> Только мне не понравилось то, что сидя в 5 ряду (я хорошо слышу) не мог слышать некоторых слов» [11.09.1910].

С первых дней Н.К. Ауэрбах оказался в водовороте общественной жизни. Показательным событием для новоиспеченного студента стала смерть Л.Н. Толстого 7 (20) ноября 1910 г. В письмах домой он подробно описывает ситуацию, сложившуюся в университете вокруг этого события: «После смерти Толстого <...>. Вообще занятия еще не установились как следует, то сходка, то профессора не придут «по болезни», а то просто так <...>. В день похорон занятия отменили, на следующий день тоже и <...> даже не пускали в университет, только сторожа выглядывали подобно хищным зверям из зверинца, смотря на осаждающих вход студентов <...> на следующий день я думал, что занятия будут как следует и явился <...> но вместо занятий состоялась сходка сразу в двух аудиториях, сходка недействительная по закону, <...> недозволенная ректором. Обе аудитории были битком набиты и я с большим трудом протиснулся к кафедре <...>. Пропели «вечную память», а потом было внесено предложение почтить всех павших от руки правительства <...>. Почему это я сам не знаю, начали петь «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и в воздухе запахло 1905 годом <...>, явился посланный от ректора объявил от его имени, что если студенты не разойдутся он позовет полицию. Председатель сходки громогласно объявляет, что сходка законна, потому что она признается всеми ее участниками и его речь покрывается громом аплодисментов. Затем постановлено устроить демонстрацию против смертной казни <...> я поспешил выйти из здания, а со всех сторон стала стекаться к университету полиция, а из манежа выехала конная стража <...> я все-таки решил, что посмотреть демонстрацию нужно <...>

порядок демонстрации был образцовый, шли и пели вечную память, все только студенты <...>. Городовых и приставов было больше чем демонстрантов и это производило впечатление, что и студенты и городские поют память Толстому <...> впереди студентов шел помощник полицмейстера и уговаривал разойтись, толпа шла, помощник полицмейстера все шел в их главе и так продолжалось до арбатских ворот <...> дальше не пускала студентов конная стража, но обращалась она очень вежливо, да и городские тоже, во всяком случае, когда я повернул вместе со всеми обратно, то один стражник ехал рядом со мной и на меня поглядывал, а я на него <...>. Вся публика была на стороне студентов, что несколько меня поразило, у нас ведь в Красноярске совершенно другое <...> и интеллигенция, и простой народ, как, например, дворники, снимали шапки и все присоединялись к негоднованию студентов по тому поводу, что правительство запретило добавочные поезда в Ясную поляну в день похорон <...>. Вообще здесь совершенно другие взгляды, чем у нас и вначале они мне казались дикими». [13.11.1910]. Еще раз об этих событиях он пишет: «нам не хочется быть в числе переписанных студентов <...> на сходке в нашем университете решено бастовать, все лекции без всякого насилия были прекращены, но все таки была приведена полиция и все присутствующие переписаны. Ректор А.А. Мануилов подал в отставку <...> в других высших учебных заведениях Москвы тоже решено бастовать» [29.01.1911].

В другом письме он сообщает: «с каждым днем все новые и новые профессора и приват-доценты подают в отставку, а Русское слово продолжает каждый день перечислять заслуги перед наукой и обществом уходящих в отставку ученых <...> мы все сидим дома, ждем 19, говорят в этот день решается судьба университета, или заставят всех ходить под угрозой выключения, или правительство восстановит нарушенную автономию» [13.02.1911].

В письмах в Красноярск Николай подробно рассказывает о своей жизни: «она совершенно не похожа на ту жизнь, которую я вел в Красноярске, утром обыкновенно мы пьем чай с Кипой вдвоем, Ваня еще спит, запивая молоком и уничтожая огромнейшие количества белого хлеба, который считают лучшим в Москве <...> Затем идем к 10 часам в Университет по Тверской <...> пешком около 4 верст. Двадцать минут одиннадцатого первая лекция, утром их обыкновенно 4 до 2 часов, когда наступает перерыв в 2 часа. Мы пользуемся этим временем, чтобы пойти пообедать в столовой. В двадцать минут третьего опять лекция, обыкновенно по Римскому праву, в шесть все лекции кончаются и мы спешим домой, толпясь по многолюдной и шумной улице, невольно иногда останавливаясь перед

колоссальными витринами шикарных магазинов, где можно достать положительно все. По дороге заходим купить булок, с которыми пьем чай обыкновенно вдвоем, потому что Ваня где-нибудь в гостях. Потом читаем, пишем письма... и ровно в 10 часов или половине 11 ложимся спать. Конечно, это однообразие нарушается хотя бы тем, что в понедельник, например у нас только за весь день 4 лекции <...> тогда в музей или в Кремль, который очень близко от университета или слушаю лекции другого факультета. В пятницу у нас только лекции от 10—12 поэтому это самый легкий день. Счетом два раза я был в театре: на балете и на фарсе, собираюсь послушать еще Шалапина; не стану описывать великолепные декорации, шикарную игру...».

Выбор факультета, как скоро стал считать Николай Константинович, был не совсем удачным, его больше привлекали исторические дисциплины: «...кроме лекций чисто юридического характера, в свободное время я слушаю еще лекции историко-филологического факультета: «История древней России», введение в археологию и другие. Проф[ессора] очень удачно давали многие для меня очень и очень интересные сведения и я очень и очень доволен тем, что слушаю, кроме своих всяких историй прав более отвлеченные науки, к которым все таки меня как-то тянет <...>. Что же касается ист.[орико-]ф[илологического] факультета, то я ужаснулся гром[адному] количеству предметов читаемых на первом курсе — здесь занятия идут с утра до вечера и требуется не только способности, которые уходят на задний план, но главным образом работоспособность» [28.09.1910].

Уже через месяц учебы в его письмах прощаются нотки разочарования в выборе специальности: «Мне кажется университет каким-то сухим высоким и чуждым <...> не скрою, что в общем профессора очень хороши, что преподавание поставлено удачно <...> может быть главной моей причиной выбора факультета было скорее кончить <...> решил слушать историю археологических открытий на историко-филологическом факультете <...> который несомненно очень и очень труден, но <...> и на юридическом очень много работы <...> с каждым днем я все более уверяюсь в том, что ко мне более подходит юридический факультет, чем филологичес[ого] <...>. Слушал я одну лекцию синтаксиса греческого языка и от ужаса не знал куда деваться. Такая специальность, такая узость <...>. Не спорю, на историко-филологическом факультете есть очень дорогие и близкие мне предметы, на них я с удовольствием бы променял все свои истории римского, русского и гражданского права <...> и студенты этого факультета с внешнего вида страшно некультурны и по развитию своему не уступают нашим юристам, над глу-

постью которых я уже начал проявлять свои таланты, красиво рассказывая свои приключения среди девственных лесов Енисейского уезда, в ледниках Саянских гор и Минусинских великих степях, которые по моим уверениям нисколько не уступят Сахаре, хотя Сахара и пустыня, а Минусинские степи — только степи. Меня слушают с большим вниманием, я еще не вошел во вкус, а когда войду, то думаю, что многое расскажу». [29.09.1910].

Как видим, Н.К. Ауэрбах все чаще и чаще с гордостью говорит о сибирских древностях: «... в «переменах» все с большим и большим красноречием рассказываю многочисленным слушателям о Сибири и даже «вставил перо», выражаясь книжным языком, какому-то студенту, приехавшему только — что из Египта, где он провел целое лето в Каире. Его описанием пирамид я противопоставлял памятники в степях Минусинска, увеличив, конечно их размеры до размеров пирамид и удивляясь, как это русские ездят смотреть какие-то пустяки за границу, когда даже не знают о существовании чудес у себя на родине. После таких рассказов на меня все стали смотреть с уважением и даже указывать пальцем...» [28.09.1910]. В итоге интерес к древней истории приводят его к мысли поступить в Московский археологический институт (МАИ).

Уже через год он поступает в МАИ. «22 (апреля — авторы) буду брать бумаги или <...> копии с бумаг из Университета и писать прошение. Надо там сдать 26 экзаменов за три года и написать диссертацию на ученую степень. Занятия начинаются 28 сентября» [21.04.1911]. (См. приложение).

«Вот уже 3 дня как я бываю на лекциях Археол[огического] института и пока ими очень доволен. Конечно, есть несколько предметов, которые очень сухи и очень отвлеченно мелочны, но их немного и центр тяжести падает на всевозмож[ные] истории искусств и археологию. Нравятся мне и самые профессора. Они не сторонники культа слова, как наши лекторы юридич[еского] факультета, но все увлекаются своим предметом и готовы читать лекции без конца. Все просто и мило. Директор института здороваается со всеми за руку, профессора постоянно вместе со слушателями в минуты перемен. Лекция тянется 35 минут. Слушаем их в классах гимназии <...>. Слушателей в этом году много. С большинством познакомился, со временем может быть установятся хорошие товар[ищеские] отношения. Есть порядочно интересных слушательниц, штук 7 офицеров, человек 8 бабюшек. Одно плохо — безумно дороги учебники...» [7.10.1911].

В 1912 г. Н.К. Ауэрбах обращается в Императорскую археологическую комиссию (ИАК) за разрешением на раскопки в Енисейской

губернии и получает ответ в письме от 13 апреля 1912 г. №780 «Г[осподину] студенту Императорского Московского Университета Н.К. Ауэрбаху. Императорская Археологическая Комиссия имеет честь покорнейше просить Вас уведомить ее, в каких именно местностях Енисейской губернии предполагается Вы произвести в 1912 году раскопки, какие памятники старины будут Вами исследованы и какого рода опыт в производстве археологических раскопок Вы уже имеете».

В письме от 8 августа 1912 г. №1657 «Императорская Археологическая Комиссия предварительно в удовлетворения ходатайства Вашего, изложенного в прошении от 6 июля сего года, просит Вас почтить ее отзывом на запрос от 13 апреля сего за №780». К сожалению, нам неизвестно, удалось ли получить разрешение от ИАК и провести намеченные работы.

В 1914 г. Н.К. Ауэрбах готовит к защите диссертацию «Типы каменных стрел урочища Бор, близ г. Красноярска, Енисейской губернии» [ОПИ ГИМ, ф. 431, д. 99, л. 23—51]. Его научным руководителем был Василий Алексеевич Городцов, с которым он поддерживал дружеские отношения до конца жизни.

В своей работе Ауэрбах критически оценивает ряд выводов своих предшественников, исследовавших Базайскую стоянку: «Ввиду краткости той части брошюры Савенкова, где объективно он говорит о раскопках, я лишен возможности на основании добытых им материалов проверить детально его выводы, а между тем новейшие труды по археологии, выставяющие интересные и вполне обоснованные теории, заставляющие меня особенно критически относиться к работам старых археологов и не позволяют согласиться с выводами Савенкова. Резюмируя все сказанное я отношу Базайскую стоянку к бронзовому веку. Тем не менее общее состояние культуры исследуемой стоянки было еще близко к неолитической культуре: человек выполнял свои работы при помощи каменных орудий».

Далее на 41 листе дается описание наконечников по отделам и типам, с материалом и размерами. Кроме того, из какой коллекции происходит наконечник. Приведены рисунки 121 наконечника. Иногда он приводит аналогии из публикаций, в том числе и Европейской части России, а так же с коллекциями Исторического музея.

В отзыве на работу Ауэрбаха Городцов отмечал: «Самым крупным недостатком диссертации является то, что автор не вводит в связь описанные им типы с подобными типами других областей и не стремится к выяснению времени существования описанных типов, вследствие чего научное качество работы сильно понижается» [ОПИ ГИМ, ф. 431, д. 99, л. 191].

Любопытно, что и столетие спустя после студенческой работы Н.К. Ауэрбаха, профессиональные археологи так и не смогли разрешить однозначно вопрос о датировке уникальных захоронений Базайской стоянки [Студзицкая, 1987, с. 347].

В 1914 г. Н.К. Ауэрбах заканчивает юридический факультет университета. Даже выбор выпускной работы был посвящен исторической теме фальшивомонетчества в Московском государстве. Это работа отчасти связана с еще одним детским увлечением — нумизматикой. Сам Н.К. Ауэрбах отмечал, что нумизматикой он стал заниматься с 8 лет! Не случайно, что он оказался среди организаторов нумизматического кружка Московского университета. На первом заседании, которое состоялось в марте 1913 г. его избирают председателем созданного кружка. В архиве Красноярского краевого краеведческого музея сохранился его доклад «Что такое нумизматика?». Наряду с историей возникновения данной дисциплины Николай Константинович не преминул упомянуть о сибирских археологических находках: «Наконец при археологических исследованиях найдены монеты в курганах, городищах и т.д. позволяют точно датировать время пребывания в данных местностях человека. Сибирский археолог Еленев по найденной китайской монете в Бирюсинских пещерах Енисейской губернии отнес время ее обитания человеком к XV веку» [КККМ, о/ф д. 3700].

В итоге, Н.К. Ауэрбах, получает дипломы двух престижных учебных заведений с квалификациями юриста и археолога. Однако, начавшаяся Первая мировая война отодвинула на несколько лет начало его археологических исследований в Сибири.

Приложение

№1

Министерство
Народного просвещения
Ректор
Императорского
Московского Университета
Москва
Июня 8 дня 1911 г.
№6864

Удостоверение

Дано студенту юридического факультета Императорского Московского университета Николаю Константиновичу Ауэрбаху, по его просьбе, в том что к поступлению его вольнослушателем в Московский Археологический институт со стороны Университета препятствий не встречается

И.о. Ректора Э. Лейст
Секретарь по студенческим делам (подпись)

[ЦИАМ, ф. 376, оп. 1, д. 177, л. 21]

№2

М.Н.П.
Императорский
Московский университет
Канцелярия по студенческим делам
Москва
июня 15 дня 1911 г.
№5989

Справка

Дана студенту Московского университета юридического факультета Николаю Константиновичу Ауэрбаху, по его просьбе, в том, что его подлинный аттестат зрелости, от 29 мая 1910 года за №651, выданный Красноярской мужской гимназией, находится в канцелярии Университета.

Секретарь (подпись)»

[ЦИАМ, ф. 376, оп. 1, д. 177, л. 19]

№3

В Совет Московского
Археологического Института
Студента юридического факультета
Московского Университета
Николая Константиновича Ауэрбах

Прошение

Прилагая при сем удостоверение ректора Императорского Московского Университета за №6864 и справку канцелярии по студенческим делам за №5989, покорнейше прошу зачислить меня в число вольнослушателей института.

Студент юридического факультета Императорского Московского университета
Николай Ауэрбах

Красноярск, Енисейская губерния. Золотославочная лаборатория.

1911 года 28 июля

[ЦИАМ, ф. 376, оп. 1, д. 177, л. 18]

№4

Его превосходительству
Господину Директору Императорского
Московского Археологического Института
Вольнослушателя 2 курса
Николая Константиновича Ауэрбах

Прошение

В виду неполучения мной классического образования, имею честь просить Ваше превосходительство освободить меня от экзаменов по греческой эпиграфике и греческой палеографии.

Николай Ауэрбах

Москва. Лебяжий пер. д. 6, кв. 87
1912 г. 4 октября

[ЦИАМ, ф. 376, оп. 1, д. 177, л. 22]

Акимова Е.В. Николай Константинович Ауэрбах. Неизвестные страницы биографии (1916—1917 гг.) / Е.В. Акимова // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 1: 70-летию Красноярского края посвящается. — Красноярск, 2004. — С. 67—72.

Ауэрбах К.Н. Н.К. Ауэрбах. Первый период научной деятельности (1918—1923 гг.) / К.Н. Ауэрбах, А.С. Вдовин, Н.П. Макаров, Н.П. Щербакова // Межмузейный сборник. — Красноярск, 1998. — С. 52—60.

Вдовин А.С. Из истории исследования Афонтовой горы (1923—1926 гг.) / Вдовин А.С., Гуляева Н.П. // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 1. — Красноярск, 1996. — С. 32—42.

Вдовин А.С. «Н.А.» — Корреспондент газеты «Свободная Сибирь» в 1918—1919 гг. / А.С. Вдовин, Н.П. Гуляева, Н.П. Макаров // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. — Барнаул, 2005. — С. 164—166.

Вдовин А.С. Ауэрбах Н.К. — исследователь истории освоения Енисейского Севера / А.С. Вдовин, Н.П. Гуляева, Н.П. Макаров // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв.: Историко-археологические исследования. — Владивосток, 2007. — Т. 5. — Ч. 2. — С. 290—296.

Вдовин А.С. Этнографические интересы Н.К. Ауэрбаха / А.С. Вдовин, Н.П. Гуляева, Н.П. Макаров // Этнос Сибири. Прошлое, настоящее, будущее: Матер. междунар. науч.-практ. конф.: В 2-х ч. — Ч. 2. — Красноярск, 2004. — С. 103—107.

Гуляева Н.П. Николай Константинович Ауэрбах и судьба одного архива / Н.П. Гуляева, А.С. Вдовин // Енисейская провинция. Вып. 2. — Красноярск, 2006. — С. 38—43.

Китова Л.Ю. Деятельность Н.К. Ауэрбаха в Обществе изучения Сибири / Китова Л.Ю. // Проблемы археологии, этнографии и краеведения Приенисейского края. — Красноярск, 1992. — Т. 1. — С. 12—14.

Макаров Н.П. Н.К. Ауэрбах — как археолог / Н.П. Макаров, А.С. Вдовин, Н.П. Щербакова // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Докл. Всерос. науч. конф. — Ч. I. — Омск, 1995. — С. 57—61.

Студзицкая С.В. Искусство Восточной Сибири в эпоху бронзы / С.В. Студзицкая // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987. — С. 344—350.

О. С. В до в и н, М. П. Ма ка р о в

МИКОЛА КОСТЯНТИНОВИЧ АУЕРБАХ
У СТУДЕНСЬКІ РОКИ (1910—1914 рр.)

Стаття присвячена маловідомому періоду життя видатного археолога і організатора науки в Сибіру — М.К. Ауербаха (1892—1930) — його студентським рокам. Джерелами до підготовки роботи стали архівні документи про період 1910—1914 рр., коли майбутній вчений навчався на юридичному факультеті Московського університету і

у Московському археологічному інституті. До останнього закладу М.К. Ауэрбах вступає через рік після початку навчання в Університеті, оскільки усвідомлює, що його більше цікавлять історичні дисципліни. Там він під керівництвом В.О. Городцова готує дисертацію «Типы каменных стрел урочища Бор, близ г. Красноярска, Енисейской губернии». У 1914 р. М.К. Ауэрбах закінчує також юридичний факультет університету з випускною працею, присвяченою темі фальшивомонетництва у Московській державі. Однак, початок Першої світової війни на кілька років затримує його археологічні дослідження в Сибіру.

A. Vdovin, N. Makarov

N.K. AUERBACH IN
THE STUDENT'S YEARS (1910—1914)

This article publishes new materials on the biography of the famous archeologist and one of the founders of Siberian regional studies, N.K. Auerbakh (1892—1930). The main focus is on archival documents and correspondence on the student years of the future scientist, studying law at the Moscow University and, later, at the Moscow Institute of Archeology. Application includes series of documents on this issue.